

Михаил Сергеевич Деминцев

к. и. н., доцент

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия

E-mail: dms-081@mail.ru

РЕНОВАЦИЯ КУЛЬТА ГЕРОЕВ В ЭПОХУ РЕСТАВРАЦИИ ВИЗАНТИИ (1261 г.)

В данной статье мы попытаемся заострить внимание на одном, как нам представляется, недостаточно освещенном аспекте поздневизантийского «эллинизма», а именно героическом культе. Зародившись еще на заре эллинской цивилизации, культ героев (ἥρωες) был весьма распространен в античную эпоху. Эллина, а несколько позднее римляне называли героями как мифических родоначальников городов и племен, так и воинов времен Троянской войны, царей, а также полубогов¹. При этом надо отметить, что исследования проблем греко-римского героического культа нашли отражение в обширной, преимущественно зарубежной историографии. Определенный интерес у современных ученых вызывают различные аспекты его проявления².

Устойчивый интерес к героизму как культурному феномену является далеко не случайным. В свое время Томас Карлейль полагал, что «почитание героев существовало всегда и повсюду, и оно не может исчезнуть, пока существует человек»³. Логично предположить, что Византийская цивилизация, в генезисе которой роль античного культурного субстрата сложно переоценить, не была исключением из правил. В соответствии с этим достаточно много писалось о том, как культовое наследие античного язычества (культы Геракла и Асклепия) в византийскую эпоху оказывало воздействие на становление и функционирование культов христианских святых, например св. Димитрия, св. Георгия, св. Козьмы и Дамиана, св. Христофора и др.

Согласно современным исследованиям⁴, дух «эллинизма» перманентно присутствовал в Византии во все века ее существования⁵. Настойчиво напоминая о себе, пульсируя

¹ *Souli S.* Griechische Mythologie: Weltentstehung — die Götter — die Heroen — der Trojanischer Krieg — die Odyssee. Athen, 1995.

² *Currie B.* Pindar and the Cult of Heroes. New York, 2010; *Burian P.* Supplication and Hero Cult in Sophocles' Ajax // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1972. Vol. 13, № 2. P. 151–156; *Fuqua Ch.* Tyrtæus and the Cult of Heroes // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1981. Vol. 22, № 3. P. 215–226.

³ *Карлейль Т.* Герои, почитание героев и героическое в истории. М., 2008. С. 18.

⁴ *Kaldellis A.* Hellenism in Byzantium. The Transformations of Greek Identity and the Reception of the Classical Tradition. Cambridge, 2007; *Constantelos D.* Christian Hellenism: essays and studies in continuity and change. New York, 1998; *Trombley F.* Hellenic Religion and Christianization. Leiden, 2001.

⁵ *Lascaratos J., Poulakou-Rebelakou E., Marketos S.* Abandonment of terminally ill patients in the Byzantine era. An ancient tradition? // Journal of Medical Ethics. 1999. Vol. 25. P. 254–258.

с четко выраженной периодичностью, именно он являлся квинтэссенцией так называемых «византийских ренессансов» («Македонский ренессанс» (IX–X вв.) — «Комниновское возрождение» (XII в.) — «Палеологовское возрождение» (XIII–XV вв.)). Поэтому в повседневной жизни поздней Византии очередное оживление античных практик культового и религиозного характера¹ не было чем-то неожиданным. Более того, уместно говорить даже о своеобразной интеграции этих по содержанию языческих практик в «структуру религиозной повседневности»². В этой связи греческий историк Пасхалис Китромилидис довольно точно отразил суть идейного поворота, состоявшегося в Византии XIII в. По мнению этого ученого, «некоторые византийские интеллектуалы, особенно в греческих государствах, возникших после расчленения империи вслед за взятием Константинополя латинянами в 1204 г., начали открывать элементы *новой коллективной идентификации* (курсив наш. — М. Д.) грекоговорящих православных христиан. Новая идентификация определялась на основе греческого языка и духовного единства, которое, как ощущали византийцы поздней эпохи, связывало их с классической греческой культурой»³.

Таким образом, элементы классической греческой культуры, образуя фундамент нарождающейся коллективной идентичности, не могли не питать идеи активного сопротивления грекоязычного населения латинскому Западу. В моменты усиления греческого военного натиска на латинский Константинополь упомянутые античные элементы обнаруживали себя в самых неожиданных, если не экзотических формах. Чтобы представить себе, насколько высоко мог подниматься градус филэллинизма в греческом обществе накануне восстановления Византийской империи Палеологами, стоит ознакомиться с поразительным по силе и разнообразию эмоционального спектра эпистолярным наследием⁴ императора Феодора II Ласкариса (1254–1258)⁵. Будучи истинным ценителем эллинской словесности, Феодор Ласкарис нередко посещал древние города в Малой Азии, где и находил образы для поэтического вдохновения⁶. Руины древнего Пергама произвели на него столь потрясающее впечатление, что его письмо по стилю «могло бы свободно принадлежать перу итальянского гуманиста»⁷. Увидев изваяние какого-то древнего божества император, не стесняясь своих друзей, поет от радости и целует статую, предварительно сняв ее с пьедестала⁸. Разумеется, это уникальное свидетельство об антикварном интересе императора не может быть экстраполировано на все византийское общество. В то же время субъективность приведенного свидетельства отнюдь не должна смущать. Для нас существенна фиксация определенной тенденции в мышлении. В данном случае важно понять, что только такой уровень рефлексии

¹ Constantelos D. Byzantine and Ancient Greek Religiosity // The “Past” in Medieval and Modern Greek Culture / Ed. by Sp. Vryonis. Undena Publ., 1978.

² Барабанов Н. Д. Византийские филактерии. Специфика арсенала // Античная древность и Средние века. Екатеринбург, 2002. Вып. 33. С. 214–227.

³ Китромилидис П. Эпоха Просвещения в Греции. СПб., 2007. С. 16.

⁴ Theodori Ducae Lascaris Epistulae CCXVII, nunc primum edidit Nicolaus Festa. Firenze, 1898 (далее — Theod.).

⁵ Жаворонков П. И. Гуманистические мотивы в культуре Никейской империи // Византийский временник. 1989. Т. 50. С. 147–153.

⁶ Bachman L. Theodori Ducae Lascari imperatoris in laudem Nicaeae urbis oratio. Rostock, 1847.

⁷ Андреева М. А. Очерки по культуре византийского двора в XIII в. Прага, 1927. С. 169.

⁸ Theod. Epistulae. XXXII. P. 108.

античного искусства, пусть даже и в лице самого императора, мог стимулировать рост количества тех индивидов, кто мог не только ценить и восторгаться уцелевшими сокровищами эллинского гения, но и самоотверженно и героически бороться за свои идеалы, жертвовать жизнью.

Действительно, обращение к целому ряду данных, имеющихся в трудах византийских историков¹, позволяет сделать предположение о наличии в византийском обществе эпохи реставрации империи более выпуклых, явных форм проявлений культа героев. С целью обоснования данного тезиса, будет уместным рассмотреть и проанализировать несколько свидетельств из истории Византии середины XIII в. Итак, попытаемся проследить, кого именно из своих сограждан греки накануне и после реставрации империи почитали в качестве выдающихся, героических персонажей.

В первую очередь обратим внимание на случай торжественного перезахоронения останков византийского императора Василия II Болгаробойцы (976–1025). Кратко об этом событии в своих «Исторических записках» сообщает византийский историк Георгий Пахимер (Pachym. II, 21). Тело василевса² Македонской династии, известного своими военными подвигами, было случайно обнаружено греками в 1260 г. в окрестностях Константинополя. Удивление от находки нетленного тела этого некогда могучего василевса одновременно сменилось чувством гнева, вызванного от созерцания следов кощунства над этими «мощами» со стороны латинян (во рту покойного обнаружили пастушеский рожок). Характерно, что император Михаил VIII Палеолог (1259–1282), получив известие о находке оскверненного тела, незамедлительно принял решение торжественно и со всеми подобающими почестями перезахоронить его. Позволим себе подробнее рассмотреть детали этой церемонии. Тело почившего героя облекли в «драгоценные ткани», благоговейно поместили в не менее роскошный саркофаг и в сопровождении почетного эскорта перенесли к месту упокоения. Помимо всего прочего, следует прибавить пение прославляющих покойного гимнов и зажигание в его честь «не спящего света», иначе говоря, аналога современного «вечного огня».

Прославление и героизация личности покойного Василия Болгаробойцы и его славных деяний на благо империи выглядели как типичный образчик пропаганды в духе первых лет царствования Михаила Палеолога, использовавшего любую возможность упрочения легитимности своей власти (сюда можно отнести такие приемы, как: антилатинская риторика самого императора, раздача титулов и должностей аристократии, хрисовулы о даровании земель и доходов церкви и монастырям и т. д.). Возведя своего предшественника в ранг героя, Михаил Палеолог тем самым в очередной раз продемонстрировал народу не только свое благочестие и набожность, но и проявил уважение к императору-воину. Можно сказать, что описание Пахимером прославления останков давно умершего василевса было не только ярким пропагандистским актом, но и свидетельством развития некоего официального героического культа, направленного на подъем патриотических настроений, особенно в византийском войске, готовящемся к штурму латинского Константинополя. Далеко не случайно историком была подмечена характерная деталь осквернения тела. Демонстративно нечестивый поступок латинян,

¹ *Nicetae Choniatae. Historia Byzantina // Patrologia Graeca. Vol. 139* (далее — Nic. Chon.); *Georgii Akropolitae. Opera / Ed. by P. Wirth. Vol. 1–2. Stuttgart, 1978* (далее — Асrop.); *Georges Pachymèrès. Relations Historiques / Ed. by A. Failler. Paris, 1984–2000. Vol. I* (далее — Pachym.); *Nicephori Gregorae. Byzantina historia: Graece et Latine. Cambridge Library Collection — Medieval History, 2012. Vol. I* (далее — Gregor.).

² *Stephenson P. The Legend of Basil the Bulgar-Slayer. Madison, 2003. P. 91, 108.*

несомненно, должен был вызвать у греческих воинов не только чувство гнева, но и желание отмщения.

Оказывается, почести полагались не только усопшим героям. Лавры героя могли стяжать и вполне живые люди, совершившие ради общественной пользы что-либо поражающее воображение современников. Как и в любые времена, широкий простор для героических поступков предоставляла война, в особенности близившаяся к своему финалу византийская реконкиста. Весьма показателен эпизод относительно истории, связанной с почестями и наградами, выпавшими на долю известного византийского военачальника, кесаря Алексея Стратигопула¹. Именно под его командованием малочисленное византийское войско при помощи местного ополчения, ворвалось в Константинополь 25 июля 1261 г. и освободило его от 57-летнего господства латинян (Астор. LXXXV; Pachym. II, 27–28; Gregor. IV, 2). Как и следовало ожидать, щедроты императора, как из рога изобилия посыпавшиеся в адрес этого удачливого командира, сделали его настоящим героем уже при жизни. По-видимому, они были столь необычными, что еще столетие спустя историк Григора писал о кесаре, который «своими победами и триумфами изумил и заставил говорить о себе всех от севера до юга» (Gregor. IV, 3). Помимо триумфа на римский манер и материальных вознаграждений, он удостоился, по сути, экстраординарной почести. Между прочим, его имя в течение одного года должно было упоминаться во время литургий во всех храмах Византии наравне с патриархом и царствующим домом (Pachym. III, 2; Gregor. IV, 2). Однако военное счастье вскоре изменило Алексею Стратигопулу, так как во время следующей военной кампании против деспота Эпира его войска были разбиты неприятелем, а сам бывший триумфатор очутился в плену². Как видно, превратности судьбы не стали преградой для героизации, и перед нами еще один характерный образчик создания культа героя в лице отважного и энергичного полководца, фактически вознесенного за великие заслуги перед обществом до уровня императора и патриарха.

Тяготение византийского общества к обретению кумиров нового образца, нашло свое отражение в не менее важной тенденции, которую трудно не заметить. Исследователями византийской литературы было верно подмечено, что именно в XIII столетии в Византии получает развитие жанр «рыцарского романа»³, центральными действующими лицами которого, как правило, были герои-воители (чаще всего это царевичи, воины). Развитие в Палеологовской Византии подобного литературного жанра свидетельствует о возросших социальных запросах на удовлетворение прежде всего эстетических потребностей. Герои византийских рыцарских романов наделены «исключительной красотой, всеми совершенствами, благородной душой, высокими утонченными чувствами. В рыцарском романе обостряется эллинское самосознание, понимание родства с древнегреческим миром, желание *возродить эллинскую культуру*» (курсив наш. — М. Д.)⁴.

Присутствие признаков героического культа в Византии можно обнаружить не только в письменных источниках. Вероятно, эллинское эстетическое начало проявило себя на этот раз и в сфере изобразительного искусства. Уже при первых Палеологах в данной области просматриваются тенденции, характеризующие тяготение творцов

¹ Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit. Wien, 1976–1996. № 26894 (далее — PLP).

² Успенский Ф. И. История Византийской империи. Отдел VIII. Ласкари и Палеологи. М., 1997. С. 501.

³ Алексидзе А. Д. Мир греческого рыцарского романа (XIII–XIV вв.). Тбилиси, 1976. 353 с.

⁴ Удальцова З. В. Византийская культура. М., 1988. С. 264.

к реализму, жизненности, индивидуальности и человечности¹. Пожалуй, самым известным примером прославления героизма византийских воинов в красках может служить мемориальный художественный комплекс в Константинополе, выполненный византийскими же мастерами по заказу Михаила Палеолога. Под впечатлением от победы его армии над войском латинян в 1281 г. при Берате император решил увековечить это событие в виде большого живописного панно на стене портика, а затем, по словам Пахимера, были изображены до этого одержанные византийскими героями победы над врагами империи (Pachym. VI, 33). К сожалению, данные памятники искусства, представлявшие собой апофеоз героической борьбы византийских солдат, не сохранились, да и к тому же в свое время не были завершены, видимо, из-за последовавшей вскоре смерти Михаила Палеолога.

Думается, с мнением византинистов о политической реставрации империи как причине, обусловившей феномен поздневизантийского ренессанса, следует согласиться². В контексте тематики данной статьи это замечание обретает вполне конкретное значение. Дело в том, что сам Константинополь мог быть живым напоминанием византийцам о прежней эллинской и римской доблести. Свидетелям возрождения империи он действительно мог казаться «городом-героем», «полисом-мучеником», за свою долгую жизнь выдержавшим множество осад, варварских нападений, латинский плен, и, наконец, новое «воскрешение». В силу этого столица, несомненно, была предметом гордости и восхищения. Ведь *ab urbe condita*, будучи удивительным павильоном множества языческих памятников, в том числе богам и героям (все же отчасти пострадавшим в результате латинского завоевания 1204 г.), Константинополь мог восприниматься современниками одновременно как символ обновления и возвращения к древним истокам возрожденной империи. Столица Византии, представшая взору освободителей, все еще вполне могла сохранить блеск уникального заповедника экспонатов античного искусства. В какой-то степени на эту мысль наводит, между прочим, вызывающий дискуссии о подлинности очерк Никиты Хониата «О статуях»³, содержащий перечень уничтоженных латинянами константинопольских монументов языческого прошлого. Если принять во внимание аргументацию в пользу более позднего происхождения данного исторического документа⁴, то высказанное нами предположение имеет право на существование. В самом деле, трудно признать, что латиняне смогли уничтожить весь массив памятников античного искусства и скульптуры в захваченном ими городе. Как известно, латинян привлекали в первую очередь христианские реликвии, а затем уже предметы искусства из драгоценных металлов, меди и бронзы⁵. Много шедевров было вывезено и в страны Западной Европы, например знаменитая бронзовая квадрига, и ныне украшающая портал собора Св. Марка в Венеции. Какая-то часть памятников, упомянутых Хониатом, вне всякого сомнения, уцелела в годы латинского господства. О том, какое культовое значение античные религиозные монументы, в том числе изваяния античных богов и героев, имели у населения Константинополя накануне латинского завоевания, сообщает тот же Хониат. В частности, он упоминает, какому поношению со стороны народа подверглась императрица Евфросиния, супруга императора Алек-

¹ Райс Д.-Т. Искусство Византии. М., 2002. С. 202.

² Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. СПб., 1997. С. 16.

³ Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897. S. 284.

⁴ Успенский Ф. И. Византийский писатель Никита Акоминат из Хон. СПб., 1874. С. 140–143.

⁵ Клари Р. Завоевание Константинополя. М., 1986. С. 61–66.

сея III Ангела (1195–1203), за то, что варварски изувечила популярные у константинопольского плебса монументы. Императрица, видимо, намереваясь выполнить какой-то магический обряд, приказала отрубить нос у статуи Калидонского вепря (*Καλιδωνίου συός*) и побить палками скульптуру героя Геракла (*Ἡράκλεις ἦρως*), другим же статуям повезло в меньшей степени, так как им отбили половые органы. Узнав об этом, народ пришел в неистовство и открыто оскорблял супругу василевса (Nic. Chon. 899–900). Вообще свидетельство Хониата наводит на мысль о некоторой корректировке наших представлений относительно культурной среды, где теплились традиции пиетета перед античным наследием. Выходит так, что почитателей произведений античного искусства в Византии можно искать не только среди интеллектуалов, эстетствующих аристократов и василевсов вроде упомянутого Феодора Ласкариса. Видимо, изваяния античных богов и героев, тысячелетие красовавшиеся на форумах и ипподроме Константинополя, и ранее находили своих почитателей в далеко не самой интеллектуально рафинированной среде.

Итак, подытожим. Можно предположить, что реновация Византии 1261 г. стала отправной точкой некоего цивилизационного процесса, который, по-видимому, сопровождался подъемом куда более мощной, чем принято считать, волной эллинических, не совсем христианских идей. Логическим завершением этой тенденции позднее станет творчество выдающегося византийского мыслителя Георгия Гемиста Плифона (1360–1452)¹. Явленный на гребне этой «волны» героический культ показывает, что культура возрожденной империи вполне могла иметь куда более контрастный характер. Стоит лишь вспомнить, что одновременно языческим и христианским воздвигался по воле императора Константина I Великого (306–337) рождающийся Новый Рим, официально освященный в мае 330 г. н. э. Не таковым ли он мыслился и Михаилом Палеологом, этим «Новым Константином»², и теми, кто разделял его идеи, по крайней мере, в 1261 г., в момент величайшего триумфа византинизма? При этом все же следует признать, что эллино-романский дискурс политической концепции Константина скорее был следствием прагматизма не только в отношении христианства, но и римских традиционных верований. Новый хозяин Константинополя Михаил VIII Палеолог концептуально следовал идее континуитета. Он не хуже, чем Константин, мог манипулировать идеями и символами, призванными укрепить взгляд на величие возрожденной империи в настоящем и будущем.

Герои эпохи византийской реконкисты, прославившиеся на ниве борьбы с латинянами и иными варварами, представляли собой отголосок не утратившей своего значения классической традиции. Социальная значимость феномена культа героев особенно отчетливо просматривается на примере ритуала перезахоронения тела Василия II, который, как и в древности, мог носить мемориальный и патриотический характер. Хорошо просматриваются мотивы героического культа в возрожденной Византии и в иных формах, таких как монументальная живопись, рыцарский роман, панегирик и титулование.

¹ PLP. № 3630

² *Georgii Cipriensis. Oratio laudatoria in imperatorem D. Michaelem Palaeologum novum Constantinum // Patrologia Graeca. Vol. 142. Col. 345–386.*